

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УКРАИНЫ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОИНТЕГРАЦИИ.

Рагозин Николай Петрович.

Донецкий национальный технический университет.

[Статья опубликована в: «Тенденції та пріоритети економічного і правового розвитку України в сучасних умовах: Зб. наук.-метод. праць». – Херсон: Видавництво ХДУ, 2007, с. 187-198]

Политическая команда, пришедшая к власти в Украине после президентских выборов 2004 года, свой внешнеполитический курс однозначно определила как курс на интеграцию в европейские политические структуры. При этом за рамками какого-либо серьезного обсуждения остаются вопросы: 1) в какую «Европу» мы собираемся интегрироваться? 2) устраивает ли нас любой способ (или, если угодно, любая цена) интеграции? 3) как этот внешнеполитический курс повлияет на политическое развитие Украины (определение национальной идентичности, стабильность и консолидированность политической системы страны, статус страны в мировом сообществе)?

В данной статье мы попытаемся рассмотреть эти вопросы в критическом ключе, проблематизируя их содержание, которое в политическом дискурсе украинских «неоевропейцев» истерлось до банальностей. Если в «старой» Европе, помимо горячих сторонников евроинтеграции («еврооптимистов»), слышны и голоса тех, кто предупреждает о подводных рифах этого процесса («евроскептиков»), то в наших научных кругах практически не обсуждаются возможные издержки евроинтеграции, словно она является чудесной панацеей, способной решить все проблемы Украины. Между тем науке панацеи не известны, и ее прямой задачей является всесторонний критический анализ любых проблем.

В какую Европу мы стремимся интегрироваться?

Идея объединенной Европы высказывалась уже в ходе Второй мировой войны, а после ее окончания стала активно развиваться и воплощаться в политическую практику. При этом суть политического проекта объединенной Евро-

пы понималась (и понимается поныне) разными политическими акторами по своему, смысл этого политического проекта в период противостояния двух политических систем и после его окончания также существенно менялся. Попробуем кратко обозначить основные вехи эволюции идеи объединенной Европы и ту смысловую нагрузку, которые несли разные проекты объединения.

Уже во время Второй мировой войны были обозначены два направления создания «объединенной Европы», одно из которых основывалось на идее атлантизма, а другое исходило из того, что центр объединения должен находиться в самой Европе.

Первый проект объединения Европы был выработан в августе 1941 года во время встречи У. Черчилля и Ф. Рузвельта в бухте Пласеншия на острове Ньюфаундленд в виде Атлантической хартии. Хартия была непосредственной реакцией на развернутую фашистской Германией и ее союзниками мировую войну и предлагала программу создания союза европейских государств под эгидой США и Великобритании для недопущения впредь на европейском континенте войн, для поддержания мира и безопасности. Британия подписала эту Хартию также от имени всех европейских правительств, находившиеся в вынужденной лондонской эмиграции, за исключением французского, которое присоединилось к этому документу позднее, в конце 1944 года.¹ Атлантический проект объединения исходил из идеи сохранения *западной цивилизации*, пространство которой было шире собственно европейского, и предполагало сохранение тесных связей США с их европейскими корнями.² Подписание Североатлантического договора в 1949 г. и создание НАТО зафиксировало, что идея атлантизма способна была воплотиться в военно-политический союз, имеющий смысл перед лицом некоей общей опасности (вначале – Германии, а затем – СССР). Но этот союз не получил дальнейшего позитивного развития и не при-

¹ Более подробно об этом см.: Коукер К. Сумерки Запада. – М., 2000, с. 49-52.

² Ретроспективно оценивая мотивы, которыми руководствовались американские политики Трумэн, Ачесон, Маршалл и Эйзенхауэр, создавая атлантическое сообщество, Г. Киссинджер отмечает, что для США эта конструкция была средством выхода из морально-политической изоляции. Он пишет, что эти деятели, весьма критически относясь к стилю европейских политиков, все же «понимали, что без наличия связей с атлантическими странами Америка окажется в мире наций, с которыми – за исключением Западного полушария – у нее почти не будет моральной общности». – Киссинджер Г. Дипломатия. – М., 1997, с. 747.

вел к внутреннему сближению стран, вошедших в его состав. Как отметил английский историк К. Коукер: «Неспособность перешагнуть в своем развитии узкие рамки договора НАТО привела к тому, что альянс остался и поныне анти-советской коалицией в мире, где больше нет Советского Союза».³

После окончания холодной войны, распада СССР и ослабления России дальнейшее существование НАТО ведущим теоретикам внешней политики США представляется в виде специфического инструмента американской политики. Г. Киссинджер ставит перед НАТО более скромную задачу «сдерживания» объединенной Германии: «Если НАТО испытывает необходимость адаптации к краху советского могущества, перед лицом Европейского Союза встает новая реальность в виде объединенной Германии, существование которой ставит под угрозу молчаливую договоренность, являющуюся стержнем европейской интеграции: признание Федеративной Республикой французского политического лидерства в Европейском сообществе в обмен на решающий голос в экономических вопросах. Федеративная Республика, таким образом, связана с Западом посредством американского лидерства в стратегических вопросах внутри НАТО и французского лидерства в политических вопросах внутри Европейского Союза».⁴ В отличие от Киссинджера, З. Бжезинский рассматривает НАТО как инструмент реализации более амбициозной политической программы США: «Следовательно, главная геостратегическая цель Америки в Европе может быть сформулирована весьма просто: путем более искреннего трансатлантического партнерства укреплять американский плацдарм на Евразийском континенте, с тем чтобы растущая Европа могла стать еще более реальным трамплином для продвижения в Евразию международного демократического порядка и сотрудничества».⁵

Второе направление создания «объединенной Европы» исходило из того, что центром такого объединительного движения должна стать сама Европа. В 1944 г. представители девяти движений антифашистского сопротивления раз-

³ Коукер К. Сумерки Запада. – М., 2000, с. 92.

⁴ Киссинджер Г. Дипломатия. – М., 1997, с. 748-749.

⁵ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М., 2002, с. 107.

ных европейских стран разработали федералистский проект европейского единения. После окончания Второй мировой войны главным мотором создания объединенной Европы стали французские политики Ж. Монне и Р. Шуман, которые считали необходимым покончить с противостоянием Франции и Германии на европейском континенте. Эту идею поддержал канцлер ФРГ К. Аденауэр. Первым шагом на пути к созданию объединенной Европы стало создание в 1951 г. Европейского объединения угля и стали, учрежденного Парижским договором. Затем последовали Римский договор 1957 г. об учреждении Европейского экономического сообщества, Маастрихтский договор 1991 г. о создании Европейского союза, развивавший его Амстердамский договор 1997 г. и, наконец, Европейская конституция.

Примечательно, что наряду с увеличением числа европейских государств, участвующих в процессе европейской интеграции, расширении и углублении сотрудничества между ними, вопрос о конечной цели и предназначении европейской интеграции не переставал быть остро дискуссионным даже внутри европейских политических элит, не говоря уже о рядовых европейцах, мнения которых на этот счет значительно отличались от мнений их политических руководителей. Это обнаружилось в ходе провала референдума по принятию европейской конституции во Франции и Нидерландах – странах, которые стояли у истоков евроинтеграционных процессов. «Дефицит демократии» в европейских политических структурах, о котором давно предупреждали многие политологи, дал знать о себе самым наглядным и убедительным образом.⁶

Какое концептуальное содержание вкладывается в сам термин «интеграция» в европейских политических дискуссиях? Напомним, что изначально это слово в своих латинских первоисточках [intergatio от integer - целый] означало восстановление целого, восполнение целостности некоего предмета в противоположность ее утрате – дезинтеграции. Применительно к экономической жизни интеграция понимается как процесс взаимного приспособления, расширения

⁶ О «дефиците демократии» в европейских структурах управления см., например, статью Колер-Кох Б. «Эволюция и преобразование европейского управления» // ж. Мировая экономика и международные отношения. – М., 2001, №7, с.44-55.

экономического и производственного сотрудничества, объединения национальных хозяйств двух и более государств, форма интернационализации хозяйственной жизни. Заметим, что такая трактовка интеграции в экономическом дискурсе изменяет смысл этого термина, поскольку в данном случае речь идет не о восстановлении ранее существовавшего целого (интернационального хозяйства), а о создании новой целостности. Но мы оставим в стороне пока экономическую интеграцию, поскольку евроинтеграционный процесс не сводится к ней, а преследует более далеко идущие цели – объединения политической, социальной и культурной жизни многих государств в европейскую целостность.

Задача европейской интеграции, вероятно, была бы проще, если бы в прошлом существовал такой европейский организм, связанный общностью экономической, социальной, политической и духовной жизни. Но ближайший исторический прообраз такого организма – Священная Римская империя германской нации, во-первых, не совпадает с границами нынешних европейских государств и географическими границами Европы, и, во-вторых, строилась на таких принципах, которые совершенно не отвечают реалиям и потребностям современной жизни. История Европы вряд ли в состоянии дать нам прообраз объединенной Европы. Как отметил немецкий политолог В. фон Вайденфельд, европейцы никогда не знали ни политического единства, ни общего языка, ни общности социальных условий.⁷ По его мнению, европейская история может нам дать лишь уроки глубокого конфликта двух основополагающих тенденций: противоборства наций, интересов, мировоззрений, дифференциации и унификации. Именно поэтому мы полагаем, что европейская история не в состоянии дать обоснование европейской идентичности.

Внутренняя противоречивость европейской истории, наличие в ней глубоких политических, межнациональных, мировоззренческих и религиозных конфликтов накладывает свою печать и на понимание европейскими политиками конечной цели европейской интеграции. Одни в качестве таковой видят Ев-

⁷ Вайденфельд В. фон «Европа – но в чем она состоит?» /Идеи европеизма во второй половине XX века. Реферативный сборник. – М., ИНИОН, 2000, с.12.

ропу как единый политический организм – федеративное государство, другим же конечной станцией евроинтеграции видится конфедеративный союз европейских государств – «Европа отечеств».

Говорить об окончательном исходе соперничества этих двух моделей европейской интеграции было бы преждевременно. Но уже сейчас можно сделать некоторые предварительные выводы. Во-первых, вектор европейской интеграции является некоторым трендом от взаимодействия разнонаправленных политических сил. США и Великобритания стремятся удержать его в границах атлантической солидарности. Для Франции евроинтеграция является инструментом контроля Германии в Европе и средством утверждения себя в качестве великой державы в мире. Для Германии этот процесс вначале означал попытку разрыва со своим тоталитарным прошлым.⁸ Хотя после воссоединения Германии и исчезновения призрака «советской угрозы» экономическая мощь страны будет подталкивать ее политические элиты к пересмотру ее политического статуса и в мире, и в Европе. Для Испании и Португалии участие в евроинтеграционных процессах также было способом распрощаться со своим затянувшимся авторитарным политическим наследием и средством выхода из международной изоляции и состояния экономической стагнации. Новые члены ЕС из числа центрально-европейских и прибалтийских государств пока еще не разобрались чего они хотят больше: спрятаться под оборонительный зонтик, который над Европой держит США с помощью НАТО, или влиться в богатое европейское общество с мощной конкурентноспособной экономикой, которая должна завоевать себе место под солнцем, потеснив на мировых рынках американскую экономику. Поскольку процесс европейской интеграции является плодом усилий многих политических акторов, каждый из которых преследовал и преследует свои собственные цели и интересы, то, несмотря на наличие значительной правовой унификации европейского экономического, социального и политического пространства, открытия культурных границ, утверждать наличие единого об-

⁸ См.: Хабермас Ю. Историческое сознание и посттрадиционная идентичность. Западная ориентация ФРГ. // Хабермас Ю. Политические работы. – М., 2005, с. 116, 133.

щепризнанного проекта объединенной Европы и, тем более, существование «европейской нации» было бы явно преждевременным.

Во-вторых, провал с ратификацией европейской конституции, безусловно, заставит пересмотреть и пространственную и содержательную конфигурацию «объединенной Европы». В любом случае инициаторов европейской интеграции, которые находятся в западной части континента, не устроит такое ее устройство, когда в нее будут входить части, названные американскими политиками «старой» и «новой» Европой.

Интеграция любой ценой?

Неясные границы и природа того образования, в которое нас намереваются интегрировать наш правящий политический истеблишмент, не снимает вопросов о том, какое место займет наша страна и ее граждане в этом образовании и какую цену нам придется заплатить за то, чтобы вписаться в уже установленные (без нашего участия и согласия) правила европейской игры. К сожалению, эти вопросы не только не стали повесткой дня широкой общественно-политической дискуссии, но даже и не ставятся. Между тем опыт нашего сотрудничества с разнообразными европейскими структурами пока не дает оснований для оптимистических заключений о том, что баланс приобретений и потерь в ходе евроинтеграции будет для нашей страны положительным.

Оценивая экономические аспекты украинских евроинтеграционных устремлений, ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) НАН Украины С. Фомин отмечает, что пока наша страна со стороны ЕС не получила даже признания «страны с рыночной экономикой», не имеет с ним договора об ассоциации, который открывает дорогу к переговорам о вступлении, и пока чрезвычайно далека от соответствия копенгагенским критериям, которым должны отвечать страны-кандидаты на вступление в ЕС.⁹ Кроме того, нельзя исключать такой вариант развития собы-

⁹ Фомін С. Інтеграційні процеси та пошук зовнішньоекономічних пріоритетів України. //Євро. Економічний вимір інтеграції. Аналітичний щоквартальник. –К., 2003, №2, с.43-45.

тий, что даже при наличии готовности Украины к вступлению в ЕС, сам ЕС может оказаться не в состоянии «переварить» еще одного члена.

При этом, как показывает опыт наших соседей – стран Центральной Европы, принятых в ЕС, дефицит их торгового баланса со странами Западной Европы не только не сократился после принятия, а, наоборот, еще вырос. В то же время размеры обещанной при вступлении финансовой помощи сократились. Поэтому ожидания скоро благополучия от вступления в ЕС следует оставить как совершенно призрачные.

Более того, как показывает опыт наших соседей, форсированная подгонка национальной экономики под евростандарты требует принятия жестких мер экономии, свертывания расходов на социальные и гуманитарные программы. Это неминуемо вызовет новое социальное и политическое напряжение в обществе, которое и так уж измотано полутора десятилетиями реформ.

При этом, как выясняется, соблюдение евростандартов в экономике не ведет к каким-либо ощутимым преимуществам в ее росте. В этом плане показательны данные, которые приводит проф. А. Плотников, зав. отделом ИМЭМО НАН Украины, в статье «Мифологизация евроинтеграционного выбора Украины». Сравнивая данные развития 6 стран Центральной и Восточной Европы (Болгария, Чехия, Венгрия, Польша, Румыния, Словакия) и 4 стран СНГ (Азербайджан, Казахстан, Россия, Украина) за 1997-2006 гг. по средним показателям реального роста ВВП и инфляции, он обнаруживает, что с 1999 г., рост ВВП в странах СНГ стабильно опережает рост ВВП в странах ЦВЕ, а инфляция, которая в первой группе стран с 1998 г. была выше, чем во второй, после 2003 г. становится ниже. Таким образом, модель экономического развития стран СНГ, оказывается, как минимум, не менее успешной, чем центральноевропейская.¹⁰

Если оценивать возможные издержки наших евроинтеграционных усилий только лишь под экономическим углом зрения, можно сказать, что, погнавшись за «европейским» журавлем в небе (без каких-либо гарантий на успех

¹⁰ Плотников О. Міфологізація євроінтеграційного вибору України. // Євро. Економічний вимір інтеграції. Аналітичний щоквартальник. – К., 2003, №2, с.59.

этого предприятия), мы рискуем выпустить свою синицу из рук. Но у этих издержек имеется не только экономическое измерение.

«Европейский выбор» и политическое развитие Украины.

Известна классическая формула взаимосвязи внутренней и внешней политики государства в условиях его нормального, органического роста: внешняя политика является инструментом решения внутренних проблем страны. С нашим «европейским выбором», похоже, складывается прямо противоположная схема взаимоувязки политических задач, когда внутренняя политика оказывается подчиненной внешнеполитическим императивам. В этом случае мы добровольно принимаем модель зависимого развития, когда политическая «повестка дня», методы и средства решения политических проблем начинают диктоваться нашей стране извне. При этом только крайне наивные люди могут думать, что те внешние центры, которые нам ставят задачи и выдвигают требования, руководствуются исключительно альтруистическими мотивами, или, на худой конец, просто вполне учитывают наши жизненные интересы.

Такая модель зависимого политического развития, безусловно, удобна для правящего политического класса, поскольку снимает с него бремя творческого поиска решений проблем нашего общества, подменяя его применением рецептов из чужой кухни. Кроме того, она создает возможность списать собственные промахи и бездарность элиты на неблагоприятные внешние обстоятельства, на неудачные советы зарубежных консультантов, на несправедливые требования зарубежных партнеров и т.п. Политическое иждивенчество, жизнь под лозунгом «Запад нам поможет» ведут к застою политической жизни, к снижению ее интеллектуального уровня, к поиску не столько понимания и доверия собственных граждан, сколько влиятельных зарубежных покровителей.

Периодические опросы общественного мнения показывают, что рядовые граждане меньше всего озабочены своей «европейскостью» (или отсутствием оной). Так международное социологическое исследование 2000 г., проводившееся в Белоруссии, Молдове, Украине и России, показало, что в нашей стране

57% респондентов «редко или никогда» не думают о себе как о европейцах, против 8% и 26% тех, кто думает о себе таким образом «часто» или «иногда».¹¹ Эти показатели почти идентичны показателям граждан Молдовы и значительно ниже показателей в Белоруссии и России. При этом в Украине 15% и 35% опрошенных оценивают цели и деятельность ЕС «очень» или «довольно» положительно, 5% и 2% «довольно» и «очень» отрицательно, и 43% не знают как их оценивать.¹² Впрочем, отсутствие необходимого знания о ЕС не мешает достаточно значительной части опрошенных в Украине быть «определенно за» (23%) или «скорее за» (34%) вступление в ЕС. Но при этом 94% считают очень важным или довольно важным сохранение хороших отношений с Россией. Также обнаруживается четкая корреляция между «европейским» и «славянским» выбором опрошенных и регионом их проживания в Украине.

Положительное отношение к ЕС опрошенные связывают не с тем, что они причастятся к некоей «европейскости», а с вполне конкретными осязаемыми вещами. Так 53% респондентов в Украине ожидают, что присоединение к ЕС положительно повлияет на экономическое развитие, 49% ждут роста политической стабильности, и меньшая часть надеется на улучшение своего личного положения за счет снижения потребительских цен (36%), роста личных доходов (28%) и занятости (28%).

Подводя итоги своего исследования, его авторы пишут: «Жители России и их славянские соседи на протяжении многих поколений и даже столетий были вовлечены в бесконечные дебаты о своей идентичности и месте между Востоком и Западом. Результаты наших исследований дают основания предположить, что в обозримом будущем эти дискуссии не найдут своего разрешения и что, если власти стран этого региона захотят сделать решительный выбор в пользу одной из исторических альтернатив за счет отказа от другой, то они, по всей очевидности, столкнутся с активным сопротивлением».¹³

¹¹ Уайт С., Лайт М., Лоуэнхардт Дж. Белоруссия, Молдова, Украина: к востоку или западу? // ж. Мировая экономика и международные отношения. – М., 2001, №7, с.61.

¹² Там же.

¹³ Там же, с. 67.

Думается, что этот вывод притянут за уши. На самом деле, граждане выбирают не между Востоком и Западом, а между экономическим развитием и стагнацией, между политической стабильностью и нестабильностью, между ростом доходов и благосостояния и нищетой. А будет первое состояние называться «Западом» или «Востоком» - это для них вопрос далеко не первостепенной важности. Известно, например, что страны Юго-Восточной Азии добились впечатляющих успехов, совершенно не пытаясь копировать ни американский, ни европейский опыт. Кем доказано, что Восточная Европа в целом и Украина, в частности, не могут найти свой путь к процветанию?

Львовский историк Я. Грицак верно ставит вопрос о нашем отношении к европейской интеграции: «Вопрос не в том, будет ли Украина членом Европейского Союза. Вопрос в том, станет ли она от этого более счастливой. Нет сомнений, что Украина должна осуществлять политические реформы, повышать жизненные стандарты, укреплять свою безопасность. Но она должна делать не для членского билета в НАТО или в Евросоюз, а для себя самой».¹⁴ Следует стряхнуть с себя навязываемый нам извне мнимый выбор между Западом и Востоком, Европой и Азией. Нужно брать из опыта этих стран все, что будет способствовать нашему развитию, нельзя навязывать себе роль смиренного просителя, которого посадили в дальнем углу приемной и обещают через несколько лет сообщить, когда его смогут принять очень важные европейские начальники. «Однозначный» европейский выбор внешнеполитического развития Украины – в лучшем случае путь к зависимому развитию, а в худшем – к политическому застою и превращению из субъекта в объект мировой политики.

Сведения об авторе:

Рагозин Николай Петрович.

¹⁴ Грицак Я. І ми в Європі? // Грицак Я. Страсті за націоналізмом. Історичні есеї. – К., 2004, с.323.

Кандидат философских наук, доцент
Заведующий кафедрой культурологии и политических наук Донецкого национального технического университета.

Служебный адрес: г. Донецк, 83050, ул. Артема, 96, к. 211.

Домашний адрес: г. Донецк, 83122, ул. Артема, 204-а, кв. 63.

Служ. Телефон: (062) 301-03-02

Дом. Телефон: (062) 312-39-33

Факс: (062) 337-56-88. **E-mail:** dhrs@skif.net